

СУБЪЕКТ

думать всеравно придется

НОМЕР ТРЕТИЙ

СУБЪЕКТ

*Редакция журнала поздравляет
Институт психологии
им. Л.С. Выготского с десятилетием!*

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках третий номер журнала «Субъект».

На этот раз мы решили несколько расширить
круг обсуждаемых тем.

Мы все объединены тем, что принадлежим
к ИП им. Выготского. Но что мы знаем друг о друге?
Что мы знаем о людях, которые читают нам лекции и
спрашивают на семинарах? А ведь они тоже слушают
музыку, о чем-то мечтают и как-то расслабляются.
Мы все пытаемся овладеть профессией психолога,
и это порождает у нас схожие волнения, кризисы и
шутки. Часто ли у нас есть возможность обсудить
это со старшими коллегами, преподавателями
или друг с другом?

А знаете ли вы, что ваш вялый сосед на лекции или
студент, неудачно отвечающий на экзамене, в свободное
от учебы время пишет роман?

Не знаете?

Так узнайте.

Остаемся зимовать

внутренний
дворик

4

Ходят упорные слухи о том, что Институт психологии из главного корпуса собирается перебраться в корпус номер пять. Странные метаморфозы, происходящие с мебелью из различных кафедр, также наталкивают на мысли о возможном переезде. За разъяснениями «Субъект» обратился к **Кларе Михайловне Корепановой**:

— Елена Евгеньевна поставила вопрос перед руководством о том, чтобы весь Институт психологии был вместе. И ОЗРП, и кафедра педагогической психологии (которые, как известно, дислоцируются во втором корпусе — *прим. «С.»*)

— **Инициатива в вопросе о переезде принадлежит нашему Институту, или нас просят это сделать?**

— Конечно, нашему Институту. Просто потребность насущная возникла расшириться. К тому же у нас две новые кафедры ютятся в одном помещении. Кафедры специальной и исторической психологии.

— **Цель только в том, чтобы нам всем объединиться?**

— Не только. У нас же еще куплены

компьютеры для создания компьютерного класса.

— **Насколько на данный момент вероятен факт нашего переезда?**

— На данный момент точно не знаю. Как только будет что-то ясно, сразу об этом сообщат. Если в новом месте помещение будет меньше того, что мы сейчас имеем, есть ли смысл нам туда переезжать?

— **Главный вопрос: куда делись диванчики???**

— Диванчики? Их, видно, совсем раздергали.

— **Кто несет за это ответственность?**

— Я так думаю, что студенты, которые приходят, волнуются ужасно. Хотя, видимо, волнение ответственно за это, а отнюдь не студенты.

Так как переезд не состоялся до наступления холодов, то осуществлять его, очевидно, уже нецелесообразно, и придется отложить его до следующего года.

Что же касается диванчиков, то наш институт потерял, пожалуй, самое культовое и удобное место. Для многих студентов психфака это было любимейшее место для отдыха, доучивания билетов перед экзаменами, сдачи зачетов в неформальной обстановке, подготовки к различным общественным мероприятиям (например, «капустник» или КВН), да и просто место встречи. Едва ли столы и стулья, ныне занимающие Их место, станут для нас столь же близкими.

Жаль...

Первая победа

Наш Институт психологии является далеко не самым мужским (по численности). Но, тем не менее, нам удалось сколотить команду и принять участие в осеннем чемпионате РГГУ по футболу. Не хотелось быть чужими на этом, хоть и маленьком, но все же празднике жизни. Несмотря на то, что особых лавров мы не снискали — два выигрыша и четыре поражения, — два исторических события все же произошло.

25 сентября команда ИП забила, стараниями Анатолия Прохорова (1 курс, специальная психология), первый гол в истории психфака в официальных матчах.

23 октября наша команда одержала первую Победу! Да какую? Играя весь матч в меньшинстве, имея в составе двух травмированных игроков и уступая к середине второго тайма команде социологов 0:2, нам удалось переломить ход матча, преодолевая усталость и боль. 3:2 — таков итог. «Первая победа как стимул для всего психфака». Выражаю благодарность всем тем, кто стоял за честь родного факультета.

*Дмитрий Лодошин,
капитан сборной
ИП по футболу*

внутренний
дворик

5

После победы: Алексей Алтунин, Алексей Тихонов, Алексей Чашкин, Денис Зубов, Артем Горбунов, Дмитрий Лодошин.

Зачем студенту института психологии нужно писать курсовые?

Елена Павловна Белинская,
кандидат психологических наук, доцент

взлетная
полоса

6

Писать курсовые работы при получении психологического образования нужно просто-напросто потому, что это единственный, на самом деле, способ и для преподавателей, и для вас понять: научились вы чему-то или нет. С моей точки зрения, нет ничего важнее курсовой и дипломной работы. Когда вы отвечаете на экзамене — это репродукция знания. Вам выплюнули какое-то знание — вы его проглотили, выплюнули обратно на экзамене или, слегка поплеывая в течение семестра, выдали его в виде рефератов, контрольных работ и так далее — это не профессионализация! Курсовая и дипломная работа — это некоторые элементарные шаги профессионального становления. Простите, попугай может воспроизвести то, что говорилось в какой-то момент. Другое дело, когда вы пишете курсовую.

Если вы ее все-таки не скачиваете из интернета, не покупаете за деньги и не переписываете в теоретической части от «и» до статьи собственного научного руководителя, — я вас уверяю, мы помним, что мы пишем, как ни странно... Поэтому, когда вы самостоятельно проводите анализ литературы, самостоятельно ставите и обосновываете научную проблему исследования, самостоятельно (или с помощью старшего товарища в лице научного руководителя) подбираете методический инструментарий, адекватный для решения этой проблемы, и самостоятельно обрабатываете полученные результаты, — это, для меня лично, есть хоть какое-то доказательство того, что вы в чем-то являетесь уже более или менее профессионалами.

Если вы умеете делать элементарное научное исследование — значит, вы уже многое умеете.

Если хорошо подумать...

Если хорошо подумать, курсовая действительно нужна. Нужна для того, чтобы САМОМУ узнать что-то на интересную СЕБЕ тему, попробовать методики и их обработку в реальных жизненных условиях. Да и СОБСТВЕННЫЕ МЫСЛИ, куда деваться, приходится вставлять в толкование практической части. А актуальность темы? Там же вообще жуть какие собственные мысли. Абсолютно собственные!..

Но каждый раз что-то внутри поджигается, когда говорят: «Вам надо быстрее определиться с темой и кафедрой, выбрать себе преподавателя — и скорей за работу!»

Страшно ведь: вот так выбираешь второпях, а потом мучаешься и красне-

ешь на защите. Хочется даже сказать, что год назад, когда тему выбирал, я был не я: маленьким или совсем другим человеком. Знаете, сколько может за год случиться?

Сейчас перед многими из нас — опять та же проблема выбора. Мы решили слегка опросить 3-й курс, как людей, совершавших «курсовую работу над собой» в первый раз...

Большая часть (64%) довольна первым опытом написания серьезной учебной работы. Причем, даже можно предположить, что собственная работа непосредственно связана с фактором «сотрудничество с преподавателем». Каждый сам определяет вид и стиль отно-

шений с научным руководителем — тут советы давать нельзя. Просто обратите внимание: те, кто доволен собой, довольны и преподавателем. И наоборот.

В том, что в самом процессе защиты приятного мало, скрывать не приходится. Это действительно так. Ритуал, инициация и т.п. Среди студентов, удовлетворенных своей работой, гораздо больше недовольных защитой на кафедре, чем среди людей, недовольных собственной курсовой. У них и так все плохо, защита уже особой погоды не делает. А если почти все хорошо — то хочется, чтобы уж прям все-все было серьезно. И требования у человека повышаются.

А то, что люди, довольные собственной курсовой, решают менять кафедру и преподавателя, я бы объяснил так. Попробовали, убедились, проанализировали какие-то ошибки — и хочется чего-то нового. То ли чтобы не расслабляться, то ли такие студенты поняли о себе и об окружающих что-то важное и решили начать все сызнова, учитывая предыдущий удачный опыт. Хотя жаждущих сменить кафедру из довольных только половина. Да и к смене

преподавателя тяготеют тоже далеко не все.

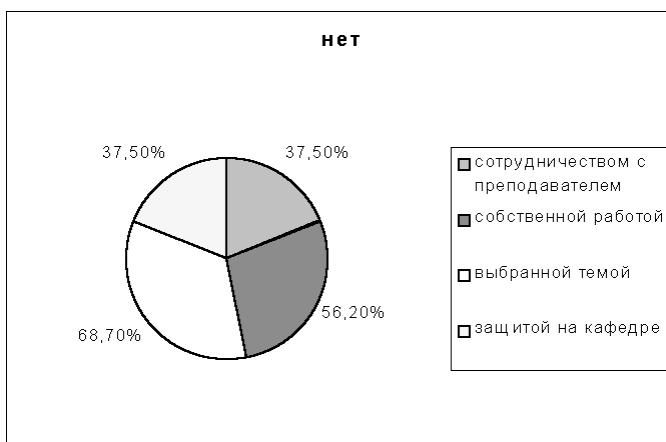
Про тех, кого результаты собственной работы совсем не удовлетворили, говорить немного проще. Конечно, такие люди будут менять практически все. Только чудаки попытаются остаться на кафедре, на которой все так неудачно сложилось. Ведь к вам на защиту придет ваш «бывший» или «бывшая»! А вы уже с кем-то новым...

Много недовольных выбором темы. Об опасности и всей серьезности данного факта я говорил в начале. Многим сложно разобраться в себе и собственных интересах. А помощи в такой ответственный момент ждать не от кого! Конечно, над неинтересной темой работать не интересно, сложно и скучно.

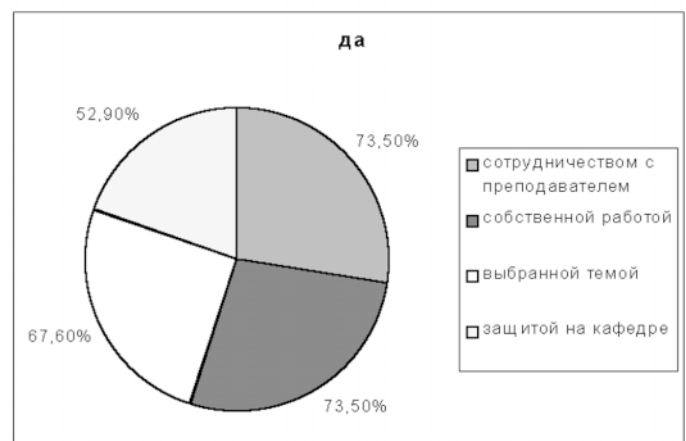
Недовольство собственной работой, возможно, говорит о повышенной самокритичности. Что неплохо. Мне кажется, психологи ценят здоровый самоанализ. Тут можно только пожелать удачи при определении с темой и научным руководителем. Вроде, если во внешнем мире все сложилось благополучно, глупо недорабатывать самому. Даже посетовать потом будет не на что, кроме себя.

Такие дела. Будем учиться учиться!

Довольны ли Вы своей первой курсовой?

Не довольны 36% опрошенных. Из них собираются менять преподавателя — 100%, кафедру — 81,2%.

Довольны 64% опрошенных. Из них собираются менять преподавателя — 61,7%, кафедру — 50%.

Папа был прав

Петухова Ирина Александровна

Профессор кафедры общих закономерностей развития психики, кандидат психологических наук, зам.директора по методической работе

член Ученого совета Института психологии им. Л.С. Выготского;

председатель методического совета Института психологии им. Л.С. Выготского

ЗНАЙ НАШИХ

8

— Первый вопрос: психолог — это образ жизни или все-таки работа?

— Конечно, образ жизни. Причем этот образ жизни начинается сразу, как только ты становишься студентом психологического факультета. Я не училась на других факультетах. Может быть, другие студенты тоже могут подтвердить, что они сразу становятся геологами или физиками, или начинается их жизнь как математиков. С трудом, но можно это себе представить. А у психологов это происходит с 1-го курса. Поступил — и через некото-

рое время уже и язык появляется иной, и в ситуациях ты видишь психологические этюды. Пытаешься понять характер и как-то разложить человека «по полочкам». Это очень смешно, потому что по полочкам почему-то не раскладывается. Но это понимаешь позже.

— Как вы думаете, психолог еще чем-то отличается от других людей, кроме «раскладывания по полочкам»?

— Наверное, повышенной рефлексией. Он так жестоко себя анализирует. Других не щадит, но и себя тоже. Пытается понять причины своих поступков, решений.

— Есть такие профессии, в которых без чувства юмора никак нельзя. Как вы думаете, относится ли к ним психология?

— Здесь абсолютно точно ответить нельзя. Мне представляется, что в лю-

бых профессиях есть люди с чувством юмора, а есть — ну совсем без него. И среди психологов есть такие. Но понимаете, это вопрос о том, существуют ли творческие профессии и нетворческие профессии. Если вы будете думать, что вы стали психологом и принадлежите к творческой профессии, — всё, вам конец. Можно сказать так: не профессия красит человека, а человек вносит что-то в профессию, делая ее либо творческой, либо такой репродуктивно правильной, последовательной, но неинтересной, незажигательной, нетворческой, неживой. Давайте лучше будем справедливыми: в психологии есть немало отраслей, где вся-

кие хиханьки да хаханьки могут даже навредить. Пример — психофизика: что здесь может быть смешного? Это очень серьезно! Закон Фехнера, закон Стивенса... Современные когнитивные психологи с собственными понятиями, положениями, моделями... Это очень-очень серьезно!

— **Ирина Александровна, как получилось, что вы решили стать психологом?**

— Это целая история. Правда, короткая. На самом деле я хотела поступать либо в иняз, либо в университет на структурную лингвистику. В школе было и с языком хорошо, и с математикой хорошо. Факультет структурной лингвистики тогда только что возник, и сама структурная лингвистика была чем-то новым, сложным. А новое — это всегда ужасно интересно. В инязе — понятное дело, станешь либо преподавателем, либо переводчиком. Там уже меньше неопределенности.

И вот, шел уже последний школьный учебный год. Приходит папа с работы — а он у меня был генеральным конструктором одного секретного института — и за вечерней беседой говорит: «Все, дальше так работать нельзя. Надо нам психолога в штат брать». Я очень удивилась. У него же там такое все жутко серьезное, сверхсекретное. Я и поинтересовалась, кто такой психолог. И папа, представитель технической интеллигенции, принес мне книжки по инженерной психологии, по эргономике. Первое окошечко в психологию открыл мне он. И тогда срочно была задвинута идея с инязом, затем сама по себе отмерла идея со структурной лингвистикой. И математика, и язык, и биология — все пошло в дело при поступлении на психологический факультет. Когда бабушки во дворе узнали, что я иду на психологический факультет, они говорят: «Ой, деточка, ведь так хорошо училась, что же ты с психами-то будешь делать?» Ужасно меня весь двор жалел.

— **Вы с самого начала хотели стать преподавателем?**

— Нет, я им и стала не сразу. Папа-то, когда говорил о психологе, имел в виду ту практическую пользу, которую приносят эти специалисты при разработке инженерных идей, начиная от оборудования и заканчивая какими-то тонкими техническими штучками. Я пошла на психологический факультет, чтобы помогать папе. Сначала у меня была такая идея, что, может, он за это время не найдет психолога, и я тогда пойду в вуз и буду помогать ему реализовывать его идею. А потом я узнала, что такое психология, начала читать какие-то книжки про тайны человеческой психики. Когда мы пришли на психологический факультет, мы были только третьим набором. И выпускников еще не было. Не было тех, кто уже прошел этот курс обучения и мог бы сказать, чему его научили и кем он стал. И это было тоже так завораживающе, интересно, притягательно — стать тем, не знаю кем, и заниматься тем, не знаю чем.

— **Не могли бы вы рассказать какой-нибудь яркий случай из своей студенческой жизни?**

— Все это был один большой случай — от 1-го до 5-го курса. Упоительный период жизни, когда ты каждый день узнаешь что-то новое. Нас учили: Лурия, Леонтьев, Хомская, Зейгарник, Евгений Николаевич Соколов, Запорожец, Эльконин. А мы тогда не знали, что это самые что ни на есть светила. Мы просто у них учились. Конец 60-х, 70-е — это СВОБОДА, разговоры на интеллигентских кухнях «о высоком», это время зарождения чего-то нового, беспокойного... Мы немедленно создали самодеятельность, участвовали во всяких конкурсах, смотрях. А университетские все смотрят и говорят: «Что там такое, психологи какие-

Мое отношение к студентам никогда не строится на успеваемости, это однозначно.

Но конфликтовать со студентом, это дело недостойное преподавателя вообще, а психолога тем более.

то? Кто это такие?» А мы — лучше всех! В жюри тогда долго обсуждали, какое же нам место присудить. Их поражало, что какие-то там психологи обскакали и физиков с их знаменитой самодеятельностью, и биологов с их Титовым (да-да, тем самым — *прим.* «С.»). Мы с Титовым с тех пор-то и задружились. Сначала соперничали, а потом, когда Титов и Петухов стали членами жюри, мы уж совсем сдружились.

— **Нынешние студенты чем-нибудь отличаются от студентов вашего поколения?**

— Вы «на картошку» не ездите. И этим серьезно от нас отличаетесь. У Алексея Николаевича Леонтьева была такая глупо-психологическая идея. В вуз люди

поступили из разных мест, из разных школ, из разных городов и весей. И нужно, чтобы они быстрее стали единым коллективом. Как этого добиться? Отправить «на картошку». Ну, «картошка» — это

обобщенное название, была и морковка, и капусточка. Полный винегрет. Пока одна машина уходит, а другая еще не пришла, можно отдохнуть. Вилы в одну сто-

рону, лопаты в другую — и на стог. Стог пятиметровый. И на нем можно лежать, смотреть с этой верхотуры, наслаждаться...

— **То есть профессиональная идентификация психолога проходила «на картошке»?**

— Да. Мы там тоже немедленно какой-то спектакль поставили. Концерты каждый вечер показывали. Все-таки преподаватели наши были совсем еще молодые, поэтому не очень от нас отличались. И все время участвовали в наших представлениях.

— **Возвращаясь к преподаванию. Ваше отношение к студентам основано больше на личном отношении к ним или на их успеваемости?**

— Мое отношение к студентам никогда не строится на успеваемости, это однозначно. Я могу уважать самого что ни на есть троечника, и относиться без всякого почтения к отличнику. Все зависит от сплава качеств ученика. Ведь преподаватель без студента — это нонсенс. И если мы со студентом включаемся в единый процесс, всё — я его, он мой.

— **Но все равно существуют студенты, с которыми возникают какие-то конфликты. Как у вас складываются отношения с такими учениками?**

— В таких случаях нужно использовать психологические упражнения. В первых, досчитать до 10, до 100. Но конфликтовать со студентом — это дело недостойное преподавателя вообще, а психолога тем более. И это абсолютно исключено. Глупо конфликтовать по поводу успеваемости. Это котику можно сказать: «Маркиз, сидеть!» Студент не котик. Хотя я иногда бываю строгой. Но это своего рода игра. Нужно где-то устроить, где-то — посмеяться. Ведь на одной серьезности долго не проработаешь, хотя это и очень почетно, наверное.

— **Кем вы в детстве хотели стать?**

— Дрессировщиком диких животных. Я очень любила ходить в цирк. И больше всего мне там нравились дрессировщики

тигров. Дрессирую ли я студентов? Пойди их поддрессируй! Нет, я дрессирую кота. И воображаю, что это то самое дикое животное, похожее на тигра.

— **В какие игры вы в детстве играли?**

— Мы играли в «штандер». Это такое упражнение с мячом. Его высоко подбрасывают и кричат: «Штандер!». Все разбегаются, а тот, кто ловит мяч, кричит «стоп!». Все должны замереть на месте, а потом идет перекидывание мячей. Совершенно замечательная игра. В «казаки-разбойники» играли, в прятки всякие. Мы всегда играли со своим домом, который мне тогда казался просто огромным. Прятались в нем, делали друг для друга ловушки. Поэтому каждый раз, когда я приезжаю на Московский вокзал (в Питере — *прим. «С.»*), я сажусь на троллейбус и еду на Ждановскую набережную к своему дому, посмотреть на него.

— **А вы когда-нибудь совершали сумасшедшие поступки?**

— Только их и совершала.

— **А какие-нибудь противоправные действия?**

— Например, я останавливаю машину не на стоп-линии. Мой сын Алексей считает, что это противоправный поступок. Когда были маленькие, совершали всякие гадости. Звонили в звонок и убежали. С подругой на Карповской набережной обливали прохожих водой. Там стоял большой дом. А у подруги была угловая комната. Мы туда забирались, набирали воду в банки и караулили. Смотрим, идет какой-нибудь прохожий. Мы вжик туда эту воду — и под подоконник. А однажды слышим, звонок в дверь — все, пришли брать, думаем. От этого подоконника мы проползли под стол. Сидели там долго-долго. Оказалось, что это к родителям моей подруги заходила соседка. Но с тех пор мы перестали обливать прохожих водой из окна.

— **Какое ваше главное достижение, как вы считаете?**

— Сын. Который бы не получился без отца. Это чудо.

— **Представьте, что у вас была бы машина времени: в какой эпохе вы хотели бы оказаться и с кем из великих людей прошлого пообщаться?**

— Хотела бы повстречаться с Гансом-Христианом Андерсеном, Антуаном де Сент Экзюпери. Это были совершенно удивительные люди, добрые и необыкновенные. Но какую-то определенную эпоху... не знаю... В XIX веке платья были красивые...

— **У вас есть какое-нибудь хобби?**

— Машина, цветы, кот. И еще Алексей мне подарил два года назад аквариум.

— **Как же рыбки с котом уживаются?**

— Легко. Кот понял, что рыба не про него. И с тех пор даже не подходит на нее посмотреть. Что касается цветов, то на даче я вывела все полезные растения и оставила только бесполезные, но красивые. Потому что приезжаешь и говоришь себе, что нужно отдыхать. А цель у меня такая, что в каждой точке ни остановишься, посмотришь — красиво. Пошел куда-нибудь, остановился, посмотрел — опять здорово!

— **Вы любите путешествовать на машине?**

— Я люблю путешествовать по Подмоскovie и вообще просто ездить. Ездить-ездить. Я люблю это чувство слитности с машиной. Я не становлюсь сильнее, отнюдь. Но, может быть, это такая смена впечатлений — было у меня две ноги, а стало — четыре колеса. Чудо какое-то. И я ей очень благодарна. Когда я руки-ноги ломала, она меня очень выручала. Потому что можно было на ней ездить на работу.

— **Какая музыка звучит из динамиков вашей магнитолы?**

— Во-первых, разные барды. У меня есть совершенно эксклюзивные записи. Практически всё, что у меня есть в машине, записал мне муж, Валерий Викторович. Он обожал делать подарки. Джо Дассен — я люблю эти годы... «Битлы». Есть у меня пленка, которую Валера на-

**Дрессирую ли студентов?
Пойди их поддрессируй!**

звал «В рабочую полночь». Там собраны все хиты 60—70-х годов, те, которые я люблю. А за душу меня берет, ну просто слезы наворачиваются, от того, как Рыбников поет песню про «ту заводскую проходную, что в люди вывела меня». Это что-то!

— **Вы сами ни на чем не играете?**

— Я окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Все приличные девочки в Ленинграде должны были учиться в английской школе, в музыкальной, а также заниматься фигурным катанием.

— **Есть ли у вас какой-нибудь универсальный способ расслабления после тяжелого дня или стрессовых ситуаций?**

— Во-первых, кот. Мурлыканье кота помогает в самых сильных стрессовых ситуациях. Во-вторых, это музыка — и в первую очередь джаз. Или, если совсем не спится, очень здорово посмотреть какую-нибудь страшилку по телевизору. После страшилки, в которой добро победило зло, засыпаю моментально. На эту тему вспомнился анекдот. Сидят у окна две девочки и плюют в прохожих. Плюнут — спрячутся, плюнут — спрячутся, прямо вот как мы. Одна девочка была

злая, ну очень злая. А другая — добрая, такая добрая... Злая девочка попала в прохожих пять раз. Добрая девочка попала в прохожих восемь раз. И так, добро всегда побеждает зло! Так что когда добро побеждает зло или когда все наказаны и следует такой голливудский конец, то я очень хорошо понимаю создателей этих фильмов. Это всё антистрессовые средства.

— **Какой ваш любимый фильм?**

— «Великолепная семерка». Фильм всех времен и народов.

— **Любимая книга?**

— Наверное, «Мастер». Я не знаю другой книги, которую я бы столько раз могла перечитывать и которую можно было бы цитировать по любым поводам, в любой ситуации.

— **Любимый алкогольный напиток?**

— Водка.

— **Любимое блюдо?**

— Любое, если его приготовит кто-нибудь другой. И, наверное, шоколад. Я могу днями не включать плиту, а только заваривать себе кофе.

— **Думали ли вы, учась на 1-м курсе, что когда-нибудь будете преподавать? Насколько преподавание позволяет вам самореализоваться?**

— О том, что буду преподавать, я никогда не думала. Я окончила университет, потом аспирантуру, защитилась за день до ее окончания. Затем работала в лаборатории способностей и переводила для Давыдова книги с английского. А в 1979 году Ирина Алексеевна Зимняя пригласила меня к себе работать. В Институте иностранных языков им. Мориса Тереза есть кафедра психологии, одна из самых старых и самых традиционалистских в психологии, в смысле — устанавливающих традиции, имеющих такие традиции. И там была свободная ставка, на которую искали преподавателя. И вот Ирина Алексеевна привела мне несколько аргументов в пользу преподавательской работы. Я считаю, что Елена Борисовна, мой научный руководитель, — это моя крестная мама в научной психоло-

гии. А Ирина Алексеевна Зимняя — моя крестная мама в преподавании. Она мне сказала: «Для женщины не найти лучшей профессии, чем преподавательская работа. Во-первых, не каждый день надо вставать к девяти часам и работать до шести. Во-вторых, все время в этой работе что-то новое. У вас муж — преподаватель. И у вас каждый год отпуск будет только летом, только с мужем и только в июле-августе». Я полностью согласна с Ириной Алексеевной: преподавательская работа хороша тем, что отпуск дают регулярно в июле и августе. Что она каждый раз открывает тебе какие-то новые жизненные моменты. И что не нужно каждый день рано вставать. Мне очень нравится такое разнообразие.

Наш разговор состоялся в конце января 80-го года, а уже с 7 февраля я читала лекции в паре с Ириной Алексеевной. Она на одном потоке, а я на другом. Она все время ходила ко мне на лекции и говорила: «Ирина Александровна, вы на 180 градусов не туда направлены. Лекции замечательные, потрясающие. Но вы сколько раз процитировали зарубежных исследователей? А советских? Вы же работаете в идеологическом вузе!»

Я прошла очень интересные университеты. И ни разу еще ни о чем не пожалела. В этом году у меня какая-то странная жизнь. Я впервые за 25 лет не преподаю. То, что я начитала для госэкзаменов, это несерьезно. Это разовые мероприятия, что называется. Я впервые хожу и странно смотрю на мир. Сентябрь месяц. Июль и август уже прошли, а я все лекции не читаю.

— **Поговорим по поводу вашего отъезда за границу. Вы чем там собираетесь заниматься?**

— Я собираюсь заниматься тем, чем мне не хватает времени заниматься во время преподавания. Читать книжки, например. Может быть, писать. Книжки, а может быть статьи. И, наконец, проводить экспериментальную работу по психологии творчества. Работать с испы-

туемыми. К каждому нужно поддаться на какой-то его индивидуальной кривой козе. Каждого нужно охмурить. Нужно получить чистые данные, а потом их обработать, как мы любим, обсчитать, верифицировать гипотезу.

— **А вы там оставаться не планируете?**

— Нет. Я вообще впервые выезжаю так далеко и так надолго. На семь месяцев. Я приеду 30 апреля 2006 года. Очень нескоро.

— **С каким чувством вы уезжаете?**

— Ой, я же очень тревожный человек. Сейчас меня тревожит, как там все будет. Мне хочется встретиться с теми удивительными учеными, на которых я постоянно ссылаюсь, рассказываю вам про них. А представляете, что будет, если я вам расскажу какие-то подробности бесед с ними? Это же просто с ума сойти! А если я привезу книжки, которые только-только с пылу, с жару, еще не прошедшие коллекторы, библиотеки — отстойники такие долгие. А просто привезу — бери, не хочу! Может быть, я узнаю какие-то новые способы обработки данных. Может оказаться, что мы преувеличиваем значимость каких-то явлений или, наоборот, что-то недооцениваем, где-то отстаем. Я, например, уже знаю, что они работают, можно сказать, «бригадным» методом. В Йельском университете в Центре изучения творчества работает несколько семинаров. И каждый из них нацелен на какую-то одну сторону исследований творчества. Мне сказали,

что я смогу походить по всем этим семинарам, выбрать тот, который мне ближе всего, и в него внедриться более глубоко. И еще мне не придется самой собирать новую группу испытуемых, а мне могут ее собрать. Кого и сколько я скажу, тех и столько мне соберут. Там есть специальный персонал для «отлова» испытуемых. Но можно взять и ту группу, с которой они уже работают. Совершенно замечательная перспектива. Это такая мечта деловая, поэтому можно о ней сказать. Я буду работать вместе с одной дамой из Словакии, которая тоже занимается творческими способностями. Я ее знаю по ее опубликованным работам, но никогда с ней не встречалась. Еще с нами в комнате будет жить одна немка. Потом мы должны будем разлететься по своим странам и сеять там доброе и вечное.

— По чему из того, что остается дома, вы будете скучать больше всего?

— По сыну, коту и рыбке. Цветочки мне Алеша обещал поливать. На зиму я уже все выкопала. Бегонии, георгины, гладиолусы — все уже выкопаны. И ждут своего возрождения.

— Ирина Александровна, вы все-

гда замечательно выглядите. Хотелось бы узнать, как вам это удается?

— Это оттого, что я работаю с молодежью. Это как у Вадима Петровского в теории субъектного отражения. Ты отражаешься в ком-то, и если это отражение произошло, то назад к тебе уже идет добрый ответ. Ваши глаза, ваше отношение к жизни, ваш фольклор... И потом, я дружу с Алешиными друзьями, мы с ними сплетничаем до ночи. То, что Алеша не скажет, то его друзья расскажут. С ними ужасно интересно. Хотя ребята не в моем, так скажем, возрасте.

— Ваши пожелания Институту психологии на следующее десятилетие?

— Мне бы хотелось пожелать, чтобы было больше взаимного притяжения между студенческими и преподавательскими силами — казалось бы, такими разными. Но на самом деле это не разные полюса, а две стороны одной и той же монеты. И еще — творчества. Творчества, потому что учебный план у нас есть.

Профессиональная жизнь?

Иосиф Фурман

идентификация п.

15

Идешь по улице, ловишь на себе случайные взгляды прохожих и с гордостью думаешь: «Да-да, я психолог!»

Потом живо представляешь, как, уже окончив институт, идешь на работу. На очень хорошую, интересную, высокооплачиваемую работу. Заходишь в свой офис, здороваешься с коллегами, снимаешь пальто, садишься за стол и ... Тут в мечтах возникает загвоздка от недостатка информации. Ну, правда, а чего делать-то, после того как пальто снял?

После школы я гордо заявлял, что иду на психолога, чтобы разобраться в людях и в себе. На первом курсе судорожно пытался учиться (немного мешал страх перед предстоящей первой сессией, новые люди, новое здание, местные порядки и беспорядки — во всем этом тоже необходимо было разобраться); на втором судорожно пытался веселиться, забыв про учебу. На третьем курсе о людях стало понятно все, что нужно; а им, в свою очередь, стало понятно все о тебе. Да — теперь я на третьем.

Ходят слухи, что психолог должен быть наглым, уверенным в себе, артистичным, решительным, без комплексов, без жалости и т.п. Но очень редко ходят слухи о том, что же все-таки делает такой человек, чья профессия связана с наукой психологией.

Недавно на лекции по социальной психологии Е.П. Белинская, которая у нас ее ведет, так ненавязчиво обрисовала перспективу профессиональной жизни (примеры мои, но аналогичные рассказанным). Картина очень похожа: «дембеля» практической психологии, побывавшие ТАМ, говорят растерянным новобранцам о предстоящей служ-

бе. А потом утешительно добавляют: «Да не бойсь, хорошо служить будете, мы ж служили...»

И такое рассказывают... Не существует абстрактных тренингов на коммуникацию вообще — а поступает конкретный заказ на то, чтобы научить менеджеров по продаже голубых сопочек общаться с покупателями. И никому не нужны тренинги на раскрепощение, а надо научить официантов из ресторана «Скушай сам» без комплексов и зажимов излагать меню. А психологическое консультирование, даже если попасть в частную школу школьным психологом, что тоже, в каком-то смысле, везение, должно быть уложено в рамки перемены (10—15 минут). Соответственно, никакого «влезания в душу» за такой промежуток времени не предполагается.

Есть еще куча видов терапий, но они кажутся не совсем адекватными для Российской действительности. Ведь не будешь просить уважаемого человека вылепить из глины изменяющую ему жену и оторвать ей голову, или построить из песка замок и нарисовать необычное животное с необычным именем, чтобы уладить отношения дома с тещей. (В аудитории повисает гробовое молчание.)

Абсолютно не радужная перспектива — учить кого-то тебе неинтересного чему-то тебе совсем неинтересному и применять для диагностики успевшие стать ненавистными, громоздкие классические методики. А как красиво и размыто звучит: «Тренинги, индивидуальное консультирование, клиент, психолог, наука психология...»

Но за три года обучения прирост профессионализма все-таки есть: действительно становишься наглым и артистич-

Наступает переломный момент. Думаешь: уже пора чем-то занять себя в психологии. Возникает внутренняя потребность отождествиться с какой-нибудь сферой, заинтересоваться и заняться чем-то всерьез, с перспективой на не такое уж теперь далекое будущее. Хочется начать становиться тем самым ПСИХОЛОГОМ, о котором столько анекдотов, который уверен в себе, про всех все знает. Поработать с людьми или с детьми... Зависть вызывают молодые, ершистые аспиранты: они-то определились и знают, чем теперь заниматься. От них веет снобизмом начинающих ученых, уверенностью в стабильности собственных интересов. Они не мучаются каждый раз перед выбором темы курсовой.

Станным образом, практических предметов, должных расширить наше представление о будущей профессии, у нас почти не прибавилось, зато появилось правописание и логика. А этого уже не хочется! Хочется чего-то реально-психологического, ведь мы уже скоро все закончим и станем «кем-то». А у нас даже и практики-то не было настоящей. Фиктивная — была, где надо было возить туда-сюда какие-то бумажки. (То есть курьерская социально-психологическая работа). А что, кстати, курьеры нужны были во все времена!

Вот мы ходим и друг у друга спрашиваем: «Да что могут делать эти пси-

хологи?» Ответ: «Всё, куда ни плюнь. Только это могут делать и не только психологи с дипломом!»

Хотя, насколько я понял, сфер приложения иной, не рыночной и не рекламной психологии не так уж много. Естественно, что в денежные сферы (типа бизнес-тренингов и разработки рекламы и товаров для потребителя) пробиться почти не реально, а в школьные психологи идти не тянет.

Очень важным становится опыт появляющегося перед тобой преподавателя. Если человек, стоящий у доски, рассказывает ненароком о жизни психолога, о трудностях его работы, о вариантах, возможностях, о реальных случаях и клиентах, — его напряженно слушают. Может, скоро сами ТАМ будем. Если же преподаватель излагает только теорию, это не вызывает доверия. Не хватает интриги. Какой смысл в теории, если она не подкреплена реальным жизненным опытом? Такое преподавание не имеет «вкуса», лишено романтики будущего. Потому что преподаватель не был в «бою».

Конечно, можно сказать, что все в наших руках: захотим — научимся всему, чему нас не доучили или не научили. Но тогда непонятно, какими мы должны все-таки стать в итоге обучения в ИП?

А у «народа» вопросы к начинающему психологу неожиданно просты и наивны. Останавливают меня приятели во дворе, дивятся тому, что я учусь на психолога, и говорят: «Ну, скажи, ведь вы ж ключ к людям имеете! Ну, как надо грамотно баб кадрить? Уж, наверное, вас этому учат!»

Или так: «Слушай, ты — психолог, ты в этом разбираешься! Как мне его отшить раз и навсегда?»

А можно так: «А если я бухал, бухал... а потом вдруг взял и домой ушел. Это нормально, ты как думаешь? Помоему, тут что-то не то. Что это со мной?»

Читал я как-то раз «Психологию переживания» Василюка и даже выписал

себе цитату: «Психолог вообще не специалист по житейским советам, полученное им образование отнюдь не совпадает с обретением мудрости, и, стало быть, факт наличия диплома не дает ему морального права делать конкретные рекомендации, как поступить в той или иной жизненной ситуации».

И просто отвечаешь друзьям, что это все миф о всезнайках-психологах, а мы штудлируем академические знания: классификации эмоций, потребностей, стадий развития в онтогенезе, когнитивные механизмы — а не изучаем, что делать человеку тогда-то или тогда-то. Вот, например, был Фрейд. Знаете, кто это? Он был сторонником пансексуализма, слушайте внимательно! Он выделял оральную и анальную стадию развития человека. (Публика замирает). На любой из этих стадий каждый из здесь стоящих мог застрять. Да, и я мог застрять. Нет, ничего страшного! Просто если вы скучны, слишком бережливы... Не надо хихикать и показывать на него. Разве ты сам вчера не говорил, что...

Через полчаса я ловлю себя на том, что читаю лекцию. Образ «анально-выталкивающего» и «орально-удерживающего» субъекта действуют безотказно. Все с трепетным ужасом мне внимают, а я размахиваю руками и тычу в слушателей пальцами. Потом говорю, что замерз — и ухожу. Меня — вдогонку — спрашивают: а дальше что? Я отвечаю, что дальше только неминуемый «Эдипов комплекс». Без этого вообще никуда. Вот так: безжалостно и решительно. Может, вот он, пресловутый ключ к людям?

А потом, когда лежишь в кровати, думая перед сном о днях прошедших и о днях предстоящих, обнаруживаешь внутри себя маленькие назойливые вопросы: «Что же со мной будет? Что я должен уметь делать?... и кто теперь во всем виноват?»

Но потом решительно подавляешь в себе эту «антипсихологическую» минутную слабость.

Про это

Когда мы были на первом курсе, нам очень много про это рассказывали, пугали и говорили, что оно коснется КАЖДОГО! Но мы были неустрашими и готовы ринуться в бой.

Да и какие там могут быть проблемы-то? Уже три года протянули, два осталось... уже и не выгонят — пожалеют. И понятно уже все, что в книжках написано. И анатомия/физиология/психофизиология ЦНС/ВНД/ВНД и СС давно сдана и забыта! Да и в школе говорили, что самое трудное — это первые два полугодия.

Когда мы перешли на второй курс, нам перестали об этом говорить, видимо решив, что сами скоро все испытаем. — И мы расслабились.

Да и какие могут быть проблемы-то? Общая психология закончилась. И с первой курсовой уже отмучались. И предметы интересные начались. Да и друг говорит, что можно уже справочку иметь о неполном в-ы-с-ш-е-м (!) образовании!

Теперь мы на третьем. Это НЕИЗБЕЖНОЕ назойливо дышит в затылок. И мы решили сами спросить про это у тех, кто знает о нем больше нас.

18

Как Вы считаете, существует ли «кризис третьего курса» на самом деле, и был ли он у вас?

**Олеся Михайловна
Куколева**

преподаватель кафедры общих закономерностей развития психики, кандидат психологических наук

Да, конечно существует. У меня лично он был странный, растянутый, поскольку со мной очень рано случилась профессионализация. Если бы профессионализация не началась раньше, чем следовало, то, наверное, грянул бы нормальный кризис. Но поскольку я со второго курса была включена в профессиональную деятельность (она была наполовину исследовательская, наполовину практическая), то он был такой очень размытый. Собственно, я до сих пор ощущаю на себе его следы. Мне кажется, что моя профессионализация была излишне ранней.

Такая ранняя профессионализация получилась благодаря старшим коллегам — преподавателям нашего института, которые по каким-то причинам обратили внимание на меня и на группу моих однокурсников и стали нас активно втягивать в теоретические и околотеоретические обсуждения и практическую работу.

Были и те, кто вообще не попал в кризис, потому что и не профессионализировались, собственно, никак. Значительная часть моих однокурсников сейчас вообще не связана с психологией. Они получили высшее образование, которое считали в достаточной мере универсальным, и занимаются маркетингом, менеджментом по продажам — теми занятиями, которые приносят им деньги.

Кризис, безусловно, есть. Именно на третьем курсе происходит какое-то личностное оформление, переосмысление, понимание: кто я и зачем сюда пришел.

Сама я выбиралась из кризиса плохо: хотелось совсем бросить учиться. Потом пошло какое-то осмысление. И появилось то, чем я хочу заниматься на самом деле.

У меня возникли вопросы, связанные не совсем с психологией, а на границе уже. Я поняла, что мне тесно в психологии, и пошла в философию. Правда, потом вернулась... Еще крестилась в это время, и много еще чего произошло.

Это такое самокопание — даже не личностное, а как бы сверхличностное, то есть выходящее за пределы личности, на какой-то другой уровень.

Скорее всего, кризис действительно связан с каким-то более глубинным самоопределением, чем в подростковом возрасте. Ищешь границы своей реальности, своей личности. Пытаешься уже серьезно осмыслить что-то в себе и в этой жизни.

**Людмила Александровна
Кожарина**

Доцент кафедры психологии личности, кандидат психологических наук

Олег Юрьевич Ермолаев
Доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, кандидат психологических наук

Лично у меня кризиса не было — это первое. И у вас, как я считаю, его тоже нет. В прошлом году уж точно не было никакого кризиса.

А вот то, что мужики ваши вообще никуда не годятся, — это факт абсолютный. То есть, если возникает кризис, то он возникает по причине, прежде всего, мужицкой лени. Лени учиться вам, мужикам, не буду фамилии называть. Если в начале какой-то энтузиазм и был на первом-втором курсе, то на третьем он исчезает — вот проблема! А у девушек — нет. Они все аккуратные. У некоторых из них даже наоборот — прирост эффективности деятельности наблюдается на третьем курсе.

Нет кризиса. То есть просто кризис связан с ленью. Лени — есть! Если увеличивается лень — это не кризис. Лени увеличивается, а кризиса нет.

Как студенту преодолевать этот кризис?

Олеся Михайловна Куколева:

Мне кажется, что одно из основных условий — это самоопределение в профессии. Наблюдала на многих случаях: люди, которые успели влезть в психологический предмет, выходили из кризиса на том, что у них появлялся свой устойчивый интерес. Область интересов становилась не диффузная, а вполне четко определенная. Либо исследовательское, либо профессиональное самоопреде-

ление-таки дает выход из кризиса. Плюс то, что я наблюдала на курсе, который был младше нас: у них за счет тесной корпоративной культуры происходило так, что они постоянно делились друг с другом переживаниями и трудностями. Благодаря такому коллегиальному общению людей с похожими проблемами это тоже преодолевалось. Такие «анонимные алкоголики», только на кризисе третьего курса. Хотя это, пожалуй, не способ справиться с кризисом, а возможность его переносить легче. До-

тянуть до того момента, когда ты понял, чем будешь заниматься. Как только понял — в общем-то, все проходит.

Мне кажется, что как раз посмотреть на разные области психологической работы также очень полезно для того, чтобы определиться. Я бы сказала, что в этом смысле практика и психиатрическая, и детская очень полезна.

Некоторые сталкиваются с практикой уже на выходе из университета; многие на этой волне недостатка практики стремятся в аспирантуру — просто такое движение по инерции; а некоторые начинают заниматься практическими применениями психологии другим путем. Идут в менеджеры по персоналу и в кадровые агентства — в общем, работа с персоналом чаще всего, насколько я наблюдаю. Очень редко кто отваживается заниматься только наукой. Еще я видела иногда странные случаи, когда человек занимается какой-то «гибридной» деятельностью: деньги зарабатывает одним — например, журналистикой, притом совершенно не психологической, а интерес свой «держит при себе» — работает младшим научным сотрудником.

У кого-то хватает окаянства на четвертом курсе самостоятельно пойти куда-нибудь еще учиться. Есть человек пять знакомых людей, которые решили, что они будут заниматься психотерапией. Но поскольку у нас они не получают знаний и практики по психотерапии в том в объеме, который им необходим, они пошли учиться в гештальт-институт, например. Это тоже такая вполне достойная дорожка: человек определился и честно работает над тем, на что он направлен.

Людмила Александровна Кожарина:

Нужно думать и искать. Вопросы ставить перед собой.

С людьми разговаривать. Грамотно построенное общение с людьми старше и даже с людьми младше тебя иногда хорошо помогает.

Тут тоже есть такая хитрая закономерность, — правда, это уже во взрослом возрасте понимаешь: в тяжелые моменты как

бы свыше посылаются люди, которые тебе помогают осмыслить какие-то вещи.

Можно, конечно, и застрять на кризисе. Но тут есть разные точки зрения в психологии. Например, Фрейд считал, что есть фиксации. Если человек не проходит какой-то этап развития, то может фиксироваться на нем и дальше никуда не сдвинется. Все — точка, остановка в психическом развитии. Выготский же считал, что все равно идет развитие: ты проблемы не дорешал, но эти проблемы просто тащишь с собой дальше.

У меня такое ощущение, что эти проблемы можно и не решить на третьем курсе. Но все равно потом с ними столкнешься, повзрослев.

Что касается современных студентов, то мне кажется, они молодеют психологически. Психологически вы сейчас более незрелые, чем были мы. А раз молодеете, то и не ощущается этот кризис. Он дает о себе знать ближе к концу обучения, когда уже приходится самому делать выбор: дальше в аспирантуру идти, работать идти, куда идти? А третий курс — в принципе, ну что он там? Все равно жизнь как-то организована. Конечно, есть вопросы, но их можно так, на задворки сознания отправить и решать насущные проблемы. Все равно ведь жизнь идет. Можно влюбиться, можно книжку писать, можно газету выпускать... Много можно чем заняться.

Олег Юрьевич Ермолаев:

У меня проблема была в другом, так как у нас была совсем другая учебная программа. У вас все расползается. Вы идею основную ловите на первом курсе, а потом все начинает расползаться. А у нас на мехмате все по-другому было: на первом курсе дают азы, элементарные вещи, которые как-то еще переключаются со школой. А потом по нарастающей идет: информация все сложнее и ее все больше и больше.

А то, что все расползается, — это недостаток науки психологии, самой науки, которой не существует. Есть набор разных мнений: Фрейд там, Леонтьев... А науки психологии нет!

Мария Егорова

Великие говорят

СЛОВО ЗА СЛОВО

Небольшое вступление: читая научную литературу любой совестливый студент скорее старается ухватить суть написанного, нежели задумывается над смыслом отдельных предложений... Но иногда приходится сталкиваться с «отдельными предложениями», смысл которых неухощенное многолетним психолого-научным опытом сознание отказывается понимать, или же с такими, которые, видимо в виду неухощенности, вызывают искренний смех, или с такими... хотя лучше, если Вы все прочтете сами.

Итак, я умолкаю и предоставляю слово классикам великой науки психологии:

(удержаться от некоторых комментариев мне так и не удалось, но если не понравится — их можно просто не читать)

Глейтман Г. Фридлунд А. Райсберг Д. «Мотивация»

Атака хищника — это совершенно другое дело: лев, который бросается и затем потрошит зебру, вовсе не испытывает ярости, он занят обычным делом добывания пищи. Приятно ли зебре то, что лев в это время на нее не сердится, — это уже другой вопрос.

Олпорт Г. «Трансформация мотивов»

Похоже, девочка страдает от диссоциированной самоподдерживающейся мотивационной системы.

(можно набив рот орехами и произнося эту фразу, тренировать дикцию...)

Хекхаузен Х. «Исследование мотивов аффиляции»

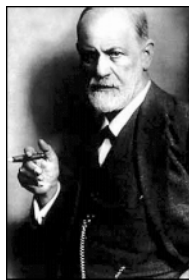
Индивидуальные различия в величине положительной привлекательности результатов достижения цели аффиляции представляют собой один из детерминантов мотивации аффиляции. ...

Ей противостоит в качестве второго детерминанта отрицательная привлекательность неудачной аффиляции, которой также свойственны индивидуальные различия.

(чѐ?)

Юнг К.-Г. «Строение личности»

Никто не в состоянии сказать: «Я не буду думать» — ибо думать все равно придется.

(как ни печально — но факт!)

Фрейд З. «Разделение психической личности»

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение.

...

Прежде, чем я продолжу, послушайте мои извинения...

...

Я знаю, что это невероятное предположение, но я беспомощен, я не могу поступить иначе.

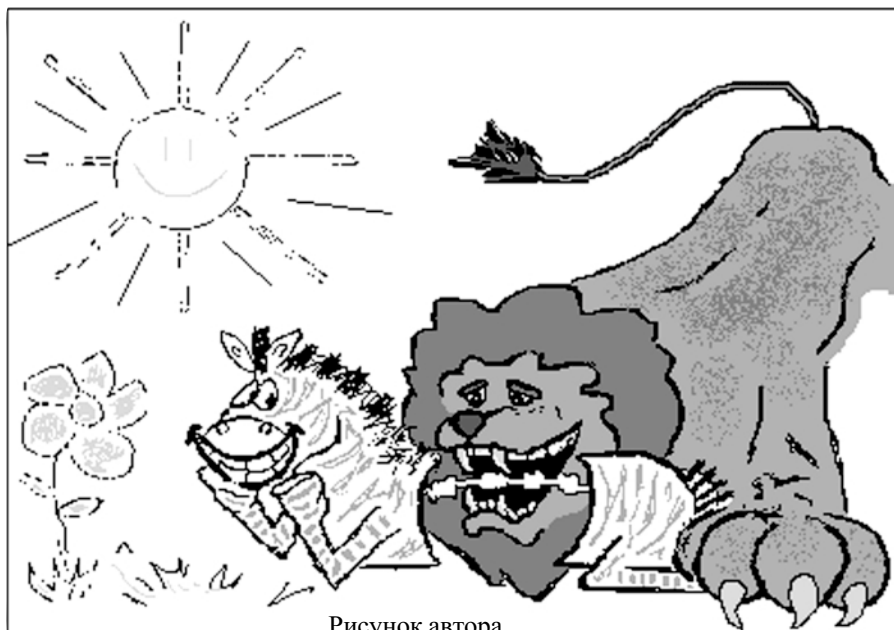

Рисунок автора

...

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени, мы мало что дали для нашей теории.

(паранойя?)

Юнг К.-Г. «Строение личности»

Хоть я и старался как можно обстоятельнее описать эту функцию, мне это кажется, не удалось.

Хьелл Л. Зиглер Д. «Теории личности»

... испытываемые с сильной боязнью пауков...

Другие, заметив паука в автомашине, которую они вели, выпрыгивали из нее.

(на ходу?...)

Глейтман Г. Фридлунд А. Райсберг Д. «Социальное развитие»

Несмотря на имеющиеся исключения, общая модель ясна: мама — это комфорт и безопасность, папа — это развлечение и веселье.

(жизнь хорошая штука — как ни крути!)

Олпорт Г. «Теория черт»

В то же время психологам известно, что здравый смысл — плохой ориентир.

(!!!)

Левин К. «Намерение, воля, потребность»

...непреднамеренное невыполнение намерения...

Хьелл Л. Зиглер Д. «Механизмы защиты»

Сходным образом женщина с сильными неосознанными садистическими наклонностями может стать хирургом или первоклассной романисткой.

Глейтман Г. Фридлунд А. Райсберг Д. «Мотивация»

Но природа создавала живой мир не для того, чтобы сделать психологов счастливыми.

(истинная правда!!! ... интересно, а психологов она создавала для того, чтобы отомстить живому миру?)

Олпорт Г. «Теория черт»

Нормальная кривая — это сладкая мечта психодиагноста, но нелегко точно объяснить что она означает.

(уж лучше быть мечтателем, чем психодиагностом)

Олпорт Г. «Теория черт»

Существуют мириады форм гомосексуальности: явная, скрытая, активная, пассивная, компульсивная, сублимированная, диффузная, специфическая, альтруистическая, вежливая, садистская, защитная, подхалимская, подавленная, периферическая, центральная, временная, длительная, эстетическая, интеллектуальная...

Мейли Р. «Структура личности»

Понятие «личность» определяли по-разному. Олпорт, например, приводит 50 различных определений.

(угу... и мириады форм гомосексуальности)

Готтсданкер Р. «Закон Йеркса — Додсона: исследование научения и определение оптимального уровня его стимуляции»

Кстати, позже Йеркс провел свои известные исследования на шимпанзе и призывниках на военную службу.

Юнг К.-Г. «Строение личности»

Если вы, например, обратитесь к простому человеку со словами: «Да ты подумай своей головой!» — он прекрасно поймет, чего вы от него хотите, не поймет лишь один философ.

...

А вообще-то лучше никогда не спрашивайте об этом философа, ибо он единственный, кто не знает, что такое мышление...

Глейтман Г. Фридлунд А. Райсберг Д. «Социальное развитие»

К тому же участники по-разному прикасались к малышу в зависимости от «его пола»: «Джо» часто подбрасывали...

Юнг К.-Г. «Строение личности»

Лишь психологи изобретают наименования для несуществующих вещей.
(кто-нибудь видел САМОСТЬ???)

Юнг К.-Г. «Строение личности»

Весьма показательным с этой точки зрения было бы, например, изучение частной жизни какого-нибудь профессора. Если вы хотите узнать, как интеллектual ведет себя дома, спросите об этом его жену, и, уверяю вас, услышите пренеожиданнейший рассказ.

в этом же тексте, но несколькими страницами далее:

Вот почему многие интеллектualы склонны вступать в брак с женщинами явно уступающими им в развитии.

Маслоу А. «Самоактуализирующиеся люди: исследование психологического здоровья»

... вправе ли мы делать хоть какие-то выводы о биологической природе человека, если до сих пор мы изучали только ущербных и недоразвитых или, что еще хуже, «серых», вышколенных, выдрессированных представителей нашего вида?
(воистину ГУМАНИСТ!)

Маслоу А. «Самоактуализирующиеся люди: исследование психологического здоровья»

И все-таки мне хочется отослать вас за подробной аргументацией к другим работам.

(красиво отослал...)

Фрейд З. «Введение в психоанализ»

Сами бедные и беспомощные в общественном отношении, вынужденные добывать средства к существованию своей врачебной деятельностью, мы даже не в состоянии отдавать свой труд таким же неимущим, как это могут другие врачи, лечащие другими методами.
(аж слезу прошибло)

Адлер А. «Практика и теория индивидуальной психологии»

...разве может наша бедная земля удовлетворить ожидания невротика...
(а здорового?)

Выготский Л.С.
«Проблема культурного возраста»

... интеллектуальная одаренность при решении некоторых задач у кур имеет большие вариации, чем то же самое при решении тех же задач у ребенка раннего возраста.

(все на защиту одаренных кур!!!)

Фрейд З. «Введение в психоанализ»

Теперь я умолкаю и предоставляю слово вам.
(далее текст на 14(!!!) стр.

Скажите, как его зовут ?

Психологи работают, прежде всего, с людьми, поэтому нам было очень интересно и важно узнать, как именно к нам относится общественность. С этой целью, нами был проведен опрос в различных чатах и форумах, где посетителям задавался один единственный вопрос «какие ассоциации у вас возникают со словом «психолог»?». В этом опросе, в общей сложности, приняли участие 197 человек. По результатам был составлен рейтинг наиболее популярных ответов, которые мы рады предоставить вашему вниманию.

Итак...психолог — это:

1. Тот, кто помогает решить проблему — 13.
2. Врач — 12.
3. Приятный добрый и общительный человек — 12.
4. Психолог — кабинет, кожаное кресло, белый халат, пенсне (поскольку возраст предпенсионный или пенсионный) и блокнот — 10.
5. Спокойный, тихий и уравновешенный человек — 9.
6. Псих — 9.
7. Тот, кто умеет слушать, очень внимательный — 7.
8. Дурак набитый — 6.
9. Не может разобраться со своими собственными проблемами, сам больной — 6.
10. Человек, который устойчиво ассоциируется с фразой «ты хочешь поговорить об этом?».
11. Тот, кто видит других людей насквозь — 4.
12. Доктор Курпатов («и нет проблем!») — 4.
13. Человек — 4.
14. Создание, которое лезет в душу, даже когда его об этом не просят — 4.
15. Тот, кто капает на мозги — 3.
16. Ассоциируется с сознанием, мышлением, чувственными процессами — 3.
17. «Ненавижу!» — 3.
18. Зигмунд Фрейд — 2.
19. Комплексы, нервы — 2.
20. Тесты — 2.
21. Специальность, на которую идут все, кому не лень — 2.
22. Пьяница, алкоголик — 2.
23. Консультирование — 2.
24. «Я с ними не взаимодействую!» — 1.
25. Никто — 1.

Также нами были отмечены некоторые забавные ответы, которые приведены ниже:

Выдержка из диалога:

— *Какие ассоциации у тебя возникают при слове «психолог»?*

— *Я вздрагиваю...*

Этот человек сам болен во всю голову...)))))))))))))

Зануда, под болобольштво которого хорошо засыпается))))

Психолог — это самоуверенный придурок, который думает что знает что-то

В белом халате и предпенсионном возрасте))))

Человек мягкий, неконкретный, бездеятельный, созерцающий

Лысый хромой старик в пенсне. С дефектом речи. В глаза не смотрит, плохой запах изо рта... Грязный белый халат. В кармане плоскогубцы. И блокнот. Любит уменьшительные, междометия, слово нуте-с. Хихикает постоянно

Психолог — это если не тебя ведут а ты ведешь

Длинноногая блондинка....

* * * * * тварь которая ищет заработка и нехило его находит на слабостях всяких идиотов

Моя безумная любовь к одному из представителей данной профессии для меня закончилась на пороге психушки (утрирую)

Ээээээээээээээ, нуууууу, как те сказать, это человек, который в себе не разобрался и пытается поковыряться в других...

ШАРЛАТАН

Человек который видит тебя как рентген

С седыми усами, курящий трубку, уставший вид

Человек, с кем, не на работе очень интересно общаться

Ощущение, что он смотрит и мигом все комплексы вычисляет, диагнозы ставит, при этом нагло улыбается!!!

Псих

ПСИХОЛОГИ РУЛЬНЫЕ ЧЕЛЫ — С НИМИ МОЖНО ПОПРИКАЛЫВАТЬСЯ

Представляется сразу кабинет психоаналитика, удобная кушетка, на ней пациент, лампа под абажуром и в кресле доктор с блокнотом и карандашом в руке

Первый этаж....кафетерий... беспорядочный секс...

Психолог — это нудно и долго говорить не о том, что думаешь на самом деле, а тебя еще и путают! А еще это старый анекдот :»Хотите поговорить об этом?»

60 БАКСОВ В ЧАС))))))))))))))))))))))))))

Странный...психологи все немного того..... рассматривают вещи через призму * * * знает чего.

Гинеколог (?!?!?!?!). ...кстати, гинекологу не мешает быть немного психологом

Психолог?? Мой друг) собака — друг человека!

Дядька с молотком. нервно дышащий, псих-алкоголик

Из собственной жизни рассказываю что все психологи часто имеют отклонения причем в различных формах проявления а вообще я повторяю надо быть полным психом чтобы стать психологом

Нормальные ассоциации — а что? ассоциативной психологией занимаешься?)))

КУРИЦА НЕ ПТИЦА, ПСИХОЛОГ НЕ ВРАЧ. А если точнее , то психиатры просто смеются над психологами. Это же ходячие анекдоты. которые пытаются в чем то разобраться, при этом важно надувая щеки. Детский лепет обычно на выходе

Отвечу сразу я их ненавижу !!!!!!! бесят они меня я очень злой так что пока психологи)))

Психолог — человек, который очень хочет, но не может решить собственные проблемы, посему мешает их решать другим своими советами...

Как в телевизере... на канале «Домашний»... Ку.. как-то там его фамилия...

Доктор Курпатов — вот идеальный психолог...

Псих. Только тихий и любопытный.

Человек, который на мозги капает.

Таким образом, видно, что имеется некоторый стереотип, который выглядит примерно следующим образом:

Врач, пенсионного возраста, умеющий выслушать и помогающий решить многочисленные проблемы пациентов. Обладает приятной внешностью, легок в общении. Очень спокойный и тихий. Сам имеет некоторые психические отклонения, с которыми не в состоянии справиться, чем, собственно, и обусловлен выбор профессии. Клиентов он принимает сидя в кожаном кресле, с пенсне на носу, что помогает ему видеть людей насквозь. Одет в белый халат, в карманах которого скрывается необъятный блокнот. Каждый свой разговор, даже с друзьями, начинает с фразы «ты хочешь поговорить об этом?», тем самым беспрестанно капая на мозги. В ящике его стола всегда припасена бутылочка...а может и две. По вечерам, приходя домой, он усаживается перед телевизором и, лениво почитывая томик Фрейда, не забывает следить за доктором Курпатовым, которого в тайне считает своим идеалом.

Никита Бабкин

Обрыв

who'дожество

28

Джолинни!

Ну что ж, беги. Беги в своем легком бежевом платье, скачи, словно юный олененок, несущийся к своей матери, гонимый ветром и подгоняемый счастливым шорохом природы.

Джолинни!

Ну что с тобой поделаешь! Беги, беги. Я дам тебе время, прежде чем взобраться на коня и пуститься вдогонку, и скакать, сливаясь с животным в единое отражение кентавра, преследующее нас непрерывно черной тенью, впиваясь в воздух, пропитанный сосновой смолой и пеньем соловьев. Я еще отчетливо вижу тебя, хоть ты припустилась со всех сил. Я вижу, как твое платье развивается, словно парус, когда ты разрезаешь воздух, дабы пробить карму, дабы сдержать слово. Ты похожа на лист клена, что, от дуновенья моих последних слов, сорвался с тонкой ветви, покоровшись сопению штормового дыхания, ты летишь, летишь так стройно и грациозно, летишь, зная, что тебя ждет с приземлением. Так лети же! Ты еще ждешь, что скоро сзади ты услышишь сопение коня, мой крик

Джолинни!

, почувствуешь мои руки, ловко подхватывающие тебя на скорости и сжимающие твое тело, словно рука живого цепляется за свое мертвое тело.

Ты ждешь, что я посажу тебя на колени, и ты свернешься клубком, как испуганный котенок, заливаясь слезами и захлебываясь рыданием. Я поглажу тебя, как клубок шерсти, и съем все свои сказанные слова; мы притворимся, что ты все забыла, я все переварил, и отправимся вместе к нашему любимому обрыву, отравимся запахом морской волны, и наши души пропахнут жасмином и закатом. Мы займемся любовью, как всегда это делали здесь, Джолинни!

, именно здесь. Ты притворишься, будто ты не думаешь о других руках, что расстегивали мою рубашку минувшей ночью, я притворюсь, что твои руки — те руки, о которых думаю я. Мы проболтаем до утра, и ты будешь счастлива до завтра, до того, когда слова, что я съел, ни пробьются сквозь стенки желудка и меня ни вырвет опять ими на твое бежевое платье, ибо я сделал это и не могу забыть, не могу молчать.

И ты снова сорвешься, словно стрекоза, испуганная первой каплей летнего ливня, и помчишься к нашему обрыву выполнять обещанное, в надежде на то, что я снова буду преследовать тебя, как привязанные пальцы кукольника преследовали бы марионетку, вдруг ожившую и ринувшуюся от хозяина прочь.

Ты еще ждешь этого

Джолинни!

, а я медлю. Я хочу полюбоваться тобой. Ты бежишь от меня так яростно, словно нас не связывает прочные нити длинной травы на обрыве, так часто, монотонно прогибаемой нашими спинами, волн, что делали нас невольными, что смывали под обрывом нашу усталость, будто ветер, столько раз высушивающий наши тела и уносящий наши томные крики, помогает

тебе, гонит тебя по привычке к обрыву, думая, что ты найдешь там меня и влетишь вместе с ним в мои объятия.

Джолинни!

Беги, ты уже видишь обрыв, твою цель, и сердце начинает трепетать против твоей воли все сильнее и сильнее, каждый твой шаг в сторону обрыва отдается глухим ударом где-то в груди и мчится к вспотевшим вискам. Но беги же, я даю тебе время, я дам тебе время добежать до твоего обрыва. Ты всегда просила у меня время. Вот, возьми. Я схвачу тебя за платье, когда ты уже согнешь свои колени в прыжке, мой конь остановится на самом краю, и я посмотрю в твои глаза. Глаза, которые когда-то одним выстрелом пробили мне сердце, возьму тебя за руки, когда-то подчинившие меня одному щелчку своих пальцев.

Вот я пришпориваю коня, этого черного как сажа мерина, я вонзаю ему шпоры в живот с силой опаздывающего охотника, увидевшего, что его добыча вот-вот упадет в море.

Джолинни!

Я близко. Я чувствую в воздухе твое отчаяние, не успевшее еще раствориться в ярких лучах заходящего солнца; я чувствую на губах твои слезы, которые я подхватываю после тебя как жемчужины, звезды, что зажгутся у меня в сердце с твоим уходом. А ты уже в нескольких шагах от обрыва, в нескольких секундах от рубежа, где тебе нужно будет решиться на обещанное или остановиться и дожидаться меня, чтобы потерять.

Я даю тебе время. Я близко, я мчусь со скоростью ветра, но медленнее, чем мог бы. Ты чувствуешь, что я рядом, но не с тобой. Беги, я не помешаю тебе, вот твое время. Через секунду я схвачу тебя, и ты потеряешь меня, ибо не успела сказать мне «прощай» перед побегом, а если побег не удастся, ты попрощаешься со мной.

Джолинни!

Ты ни на секунду не замираешь перед прыжком. Как ты прекрасна! Ветер подхватывает тебя и, кажется, он сейчас подарит тебе крылья. Ты застываешь на секунду в воздухе, прежде чем ястребом кинуться вниз. Ты отдельна от земли, ты — воздух, и он держит тебя, расправляя твои руки, подобно ангельским. Время остановлено. Твоя голова закинута вверх, а спина прогнулась и превратилась в тонкую ветвь ивы, что плачет об утопленниках, твои руки разведены в стороны, и ты кажешься мне распятым на кресте праведником. Твой стан так напряженно выгнут, грудь с таким бесстрашием смотрит в лицо тихому морю, грозной бездне, что я слышу, как твоя нежная, покрытая редкими веснушками кожа прорывается под напором силы, выходящей из-за твоей спины и окутывающей тебя пернатым величием; твои крылья делают взмах как бы отдельно от тебя и становятся твоим продолжением. Я вижу все это в ту долю секунды, когда ветер поддержал тебя, в тот последний миг, когда я протягиваю руку, чтобы отобрать тебя у твоей воли, в этот миг ты камнем падаешь вниз. Ты решила, не прощаясь, унести меня с собой в сердце.

Джолинни!

Ты исчезла с этой картины. Тебя не видно, а птицы все щебечат, ты исчезла, а солнце сантиметр за сантиметром отступает под напором тяжелого неба,

бросая последние, ослепительные лучи мне в глаза.

Мой конь останавливается в сантиметре от конца обрыва и так тяжело и отчаянно-свирепо вздыхает, выпуская жаркий воздух из своих огромных легких по толстым и мощным ноздрям, что я не слышу, как ты падаешь вводу. Я опускаюсь на колени и смотрю вниз, пытаюсь различить пятно твоих рыжих волос среди белых барашек волн. Сейчас я брошусь вниз за тобой, схвачу тебя, может быть уже бездыханную, тяжелую от воды, море поможет нам выбраться на берег, и я вопьюсь в твои холодные губы, чтобы подарить тебя свое дыхание, а обрыв будет печально смотреть на нас сверху, нежно укутывая наши мокрые тела прохладной тенью. Ты откроешь глаза и улыбнешься мне, слизнешь соленую воду с губ и поймешь, что это слеза, выкатившаяся из твоих, словно бездна, карих глаз.

Но сейчас я дам тебе время. Я нахожу тебя среди брызг стихии и вижу твои глаза, смотрящие в глаза смерти, в твой рот вливается синева и ты, словно рыба, уже стала частью моря, ибо дышишь водою. Я дам тебе время, Джолинни!

, чтобы и ты смогла дожждаться меня. Я вижу, как твои руки борются с пустотой, и ты даже не кричишь, цепляясь за мой взгляд. Ты видишь меня, и твое тело отпускает бесполезные попытки спастись на дно, куда последуешь и ты. Как будто поняв, что биться за тебя больше не стоит, что ты покорно склонила голову в объятия стихии, море успокаивается и вода становится прозрачно-голубой. Ты держишь мои глаза на прицеле, и я не понимаю, живой ли ты опускаешься в синюю пропасть, не сводя с меня взгляда.

Я дам тебе время, родная, ты дождешься меня, я верю. Я верю, что ты будешь следить за мной с неба и радоваться вместе со мной в счастье, поможешь мне в горе, а я, может быть, уже скоро приду к тебе. Но и ты дай мне времени, пожалуйста. Я знаю, ты только завтра окажешься у плотины, где сторож увидит твое тело, и только по полудню бедный отец, расплывшийся в воздухе от слез и абсента постучится ко мне и, обняв, скажет, что моей сестры больше нет. Но я то помню, сестричка, что ты ждешь меня, улыбаясь, на одном из этих белоснежных облаков, теребя кончик своего крыла пальцами, как ты всегда делала с моими волосами.

Я выпрямляюсь и смотрю на небо, журчащее от уходящего дня. С самого края обрыва я вижу, как розовые лучи кидают свои удочки в бордовую воду, солнце сонно цепляется за горизонт и прибой убаюкивает чаек. Рыжие облака нимбом окутывают твои волосы и розовые лучи обнимают твои глаза, только что вспыхнувшие звезды в твоих зрачках призывают душную ночь. Ты улыбаешься мне тихой волной, и подмигиваешь, потушив на мгновение правую звезду бахромой темноты ночного неба. Пропадет солнце, пропадешь и ты, а я подмигиваю тебе в ответ и тоже улыбаюсь, размазывая слезу по щеке, я тоже люблю тебя сестра, я тоже люблю тебя Джолинни.

Александра Озерова

Пустота

who'дожество

31

...Вечер. Телевизор. Милая, но совершенно обыкновенная американская комедия. Про любовь. Внутри явственно и совершенно неожиданно появилось ощущение пустоты. Как огромная дыра. Черная. Которая затягивает в себя. Все. Внутри — пусто. Душа — пустая. На глазах стали наворачиваться слезы. Встала и ушла к себе в комнату.

Вдруг все стало просто. Нет ни чьей вины. Пустота. Нет новых сообщений. Пустота. На столе какие-то книги, бумаги, диски, кружка с холодным недопитым чаем. Пустота. На книжных полках пыль. Пустота. На люстре две лампочки блестят мутным туманом. Уже несколько месяцев. Пустота. Прошла на кухню. Поставила чайник. Спугнула таракана. Пустота. Равнодушный взгляд.

Это не страшно. Это не больно. Это пустота. Так устроен мир.

Облезлые собаки зимой в метро. Пустота. Бомж с грязной бутылкой в дрожащей руке. Пустота. Невидящие взгляды. Пустота. Глупая, обиженная на весь свет кассирша в магазине. Пустота. Резкий смех. Пустота. Отпечатки чужих ног на теле. Пустота! Безысходные глаза детей...

Пошла в ванную комнату. Заперла дверь. По щекам покатились слезы. В зеркале. Понимаете — внутри пусто?! Залезла в холодную белую ванну. Села. Скрестив ноги. Зажав в левой руке трубку шланга. Прижав ее к лицу. Застыла. Вода все утекала и утекала в клетчатую дыру. Пустота. Из комнаты родителей донеслись громкие, раздраженные голоса. Пустота.

Сны. Чужие объятия. Чужие руки. Радость. Боль. Пустота. Нет, не нужно! Слезы по щекам.

Медленно встала. Медленно вытерлась. Темный коридор. Выключила свет в комнате. Легла в кровать. Накрылась одеялом. По щекам текли холодные медленные слезы.

... Сначала было темно. Затем раздался скрип, и занавес начал раздвигаться. Это была сцена. Большая и совершенно пустая. Страх. Сделала шаг вперед. Под ногами закрипели доски. Тихо. Сняла туфли и поставила их в сторону. Нужно было выйти и играть. Страх. Сделала еще один робкий, осторожный шаг. На сцене не было декораций, за которые можно было спрятаться. Нельзя было укрыться во взглядах зрителей — зал был пуст. Тишину не нарушал ни один посторонний звук. Никогда еще не была такой беззащитной. Нужно играть. Стояла, не шевелясь. Боясь сделать хоть одно неверное движение. Ложь. Нужно жить. Вдох. Закрыла глаза. Шаг. Еще один. Плавно подняла руку. Встала на цыпочки. В тишине родилась неслышная музыка. Танец. На виду у всего мира...

Иосиф Фурман

Экспрессия земли

who'дожество

32

«Эпоха модернизма определялась революцией и производством, эпоха постмодернизма — информацией и экспрессией» — так бывает: какое-нибудь умное слово из какой-нибудь умной фразы цепляется и вертится в голове как муха в пустой комнате. Экспрессия — пожалуй, идеально подходит для описания этого весеннего запаха. Он экспрессивен. Он не дает мне покоя, а информации не несет вообще. Он меня злит. И волнует.

Я устал и истощился от затянувшейся зимы. И вот я улыбаюсь весеннему солнышку — отогреваюсь от холода. Лучше наполниться хотя бы солнцем, чем быть просто пустым.

Этот запах... Я знаю, он идет от земли, которая пробуждается, наливаясь жизнью после зимнего опустошения. Но я же так не воняю... Ладно. Так не хорошо говорить о земле. Можно просто сказать, что это всепроникающее благоухание меня бесит. Оно не дает мне расслабиться. Преследует своим неумным цветением. Чертовщина...

Я не хочу никого видеть и ни с кем ни о чем говорить. Я держу сигарету в руке, только раскурив ее и сделав пару затяжек: мне даже не хочется шевелиться.

Здесь шляется куча народа, но кто-то один из этой кучи заслонил мне солнце. Я открываю зажмуренные глаза — передо мной стоит этот потрясающий своей навязчивостью тип. Его роста хватает ровно настолько, чтобы заслонить мне солнце, когда я в сидячем положении, а так он с трудом достает мне своей дурацкой головой до шеи.

Сейчас объясню: он почему-то считает меня своим приятелем и все время лезет со своими рассказами и задушевыми беседами. Обычно я сижу и курю, пока он разглагольствует о вреде курения, социальных связях и еще — шутит. Fuck, как он шутит... И смеется. Сам. Я молчу. Я не вижу в этом ничего смешного. Но, видимо, мое молчание он воспринимает как открытость и готовность к общению с ним. Несмотря на то что я встаю и ухожу, когда мне хочется уйти.

И теперь: я молча смотрю на него, а он шутит про то, что с моим ростом я должен обязательно играть за сборную университета... и что мне надо поскорей бросить курить — совершить этот волевой поступок, как он в свое время... а моя бывшая подруга передавала мне привет через него и...

Он заслоняет мне солнце.

Он достаточно коренаст, ходит каждый день на турник: значит, может ответить. Зато руки у меня гораздо длинней, да и сам я намного выше. Не ответит. Не решится. Не должен... я не умею драться, если что. Уже все равно: мне ударил в голову этот весенний запах. Его принес слабый ветер. Экспрессия земли, невыносимое болезненное пробуждение...

Я просто махнул рукой в сторону нависающего лица, не отводя своих глаз от его. На кулаке осталось волнующее ощущение влажных губ, чужеродного тела, смазавшегося, прогнувшегося под ударом.

Немного помолчав, я снова зажмурил глаза — в них безжалостно бросилось солнце.

***

Я смотрю на свое отражение в издевающимся и передразнивающим меня зеркале вагона метро. Меня видно из-за спин людей: высокого, сутулого и худого — я внушаю уважение. Точно внушаю: и я хожу так томно и уверенно, расслабленно и демонстративно лениво, чтобы подчеркнуть, свою величину. Хорошо, что они не знают. Они ничего не знают, им просто достаточно, что я большой снаружи.

Как я плакал после каждого урока физкультуры, приходя домой, еще в школе, знает только Она. В старших классах уже никто не плакал. А я плакал. Дома, зарываясь

лицом в подушку и сворачивая голову всем своим солдатикам, которые выделялись из основной массы ростом. На них набегала горстка воинов, заваливала, а потом маленькие крестonosцы и смуглые коротышки-индейцы били их и топтали... Хотя в старших классах уже никто не играл в солдатиков. Я играл.

Я тогда начал очень быстро расти — свое тело мне казалось настолько большим и беззащитным, уязвимым и непрочным, что меня преследовало ощущение постоянной опасности. Я ненавидел всех своих маленьких и ловких одноклассников. Когда в меня попадал мяч и я пытался съежиться, чтобы защититься, — все смеялись, даже физкультурница.

Иногда мне снилось, что я умираю от чего-то очень маленького, что грызет меня где-то в конце моего тела, а мне никак туда не добраться. Я просто чувствую, что умираю где-то вдалеке от очень маленькой и мучительной смерти.

Теперь я знаю, что им достаточно того, что снаружи. Я овладел искусством маскировки — адаптация к миру все-таки завершилась. Когда я устаю от этого долбанного человечества, я пользуюсь тем, что всем хватает внешних атрибутов. Особенно женщинам... Просто никому никогда не говори, что ты можешь чего-то бояться. Просто не говори, и они сами тебя в этом убедят, особенно женщины...

Выходя из вагона, задеваю плечом какого-то дядьку: он задирает голову, встречается со мной взглядом и, гневно поджав губы, забегает в вагон. Бойтся. Хорошо. Мне не надо ничего доказывать им. Если только себе иногда.

***

«Ты же весь мокрый!» Да. Я же весь мокрый. Пока добирался до дома, начался ливень. После дождя в воздухе появляется свежесть — я бежал от метро, чтобы успеть до окончания ливня. Я бы не выдержал, наверное.

Закрываю окно, закрываю дверь, сбрасываю мокрую одежду на пол в коридоре. «У тебя очень душно!» — Закрой дверь в мою комнату. Эта духота никого не касается.

Она все-таки стоит в проходе и видит, как я уничтожаю то, что написал вчера. Аккуратно складываю и рву, потом опять: складываю — и рву. Стихи... Я не люблю стихи и пишу их из нелюбви к ним. В глубине души я знаю, что не поэт.

Талант — так говорят родственники и добрые преподаватели, заискивающе улыбаясь и кивая седыми головами. Они не понимают, что перечеркивают одним своим добрым словом весь смысл жизни. Талант — это ловушка. Гении не талантливы, они — гении. А если ты талантлив, то ты обречен на вечные скитания в этом лабиринте, из него не выбраться: ты вынужден поддерживать иллюзию того, что способен выполнять «талантливо» и стабильно свое дело. У тебя есть предел — рамка возможностей.

Если ты никто, тебе можно стать гением; если ты гений — ты можешь стать никем; если ты талантлив, тебе нельзя стать первыми двумя, тебе можно только просто быть одним «ИЗ...».

Она зовет меня кушать, и я выхожу на кухню. Она — это моя мать, а Он? Я не знаю, кто такой Он.

Нет ни одной детской фотографии, где бы я был с ним, где бы Она была с ним, где бы просто был Он один. Я не помню, в какой момент Он появился, и было ли время, когда его не было. А мать мне не говорит. И я его ненавижу.

Коля, дядя Коля, папа Коля, мужик Коля, просто Коля, сосед Коля...

Просто Коля сидит и чинит старый магнитофон, который я выкинул. Перематывает его скотчем, пыхтит и утирает пот своей здоровенной лапищей, ковыряясь другой рукой в дебрях приемника. Его пузо отвратительно вываливается из расстегнутой потевшей рубашки. Меня усаживают напротив него. Я ем, он — пыхтит и пьет пиво. И мы оба молчим.

Коля — не мой отец. Я это чувствую. Мысль о том, что я мог произойти от этого человека, приводит меня в бешенство: я точно знаю, что это не он. Как моя мать могла выйти за него замуж? Я кричу и требую, чтобы она призналась мне, где мой отец. Она плачет и говорит, что я сошел с ума. Так происходит раз в неделю уже много лет. Это Она сошла с ума.

Дядя Коля не прочел ни одной книжки в своей жизни; у него всегда грязные ногти и расстегнутая рубашка с вываливающимся животом; заляпанные тренировочные штаны, лысая голова и густые брови над голубыми глазами. Он всегда сидит дома, что-то чинит и пьет пиво. С Колей у меня нет абсолютно ничего общего... кроме Нее. Мой отец совсем другой. Я знаю. И я буду терзать мою мать, пока она не скажет, где его найти.

Папа Коля говорит, чтобы мать убралась с кухни — она слепо его слушается, — а мне говорит, чтобы «малой» заткнулся и встал из-за стола. Я встаю, он подходит ко мне почти вплотную, и смотрит мне в глаза. Снизу вверх. Никто ничего не говорит. Я чувствую, как из форточки в кухню просачивается весенняя последождевая свежесть. Вечер. Весна. Мне становится дурно. «В глаза смотреть!» — говорит папа Коля. Мне дурно, я почти ничего не вижу: это смутное... из форточки выворачивает меня наизнанку, скручивает, расслабляет и мучает.

-Закройте форточку.

Мужик Коля берет меня за грудки и выкидывает, как мешок, из кухни в комнату. Я лежу на полу и вижу его ноги. «Очень большой ты, малой! Поменьше сделаю, если не успокоишься. На отца руку поднял. Такое даже в твоих книжках не пишут. Выгоню, малой! На отца — нельзя».

Я пролежал на полу до ночи. Она ходила и плакала, а Он чинил свой приемник. Потом все стихло. Ночь. Я вырвался на балкон, в одних трусах и вдыхал, вдыхал, нежась и мучаясь, смеясь и терзаясь, этот безумный запах весны, эту свежесть после дождя, это цветение, эту экспрессию пробуждающейся земли...

Над номером работали:

Анастасия Федотова

Мария Егорова

Дарья Чистякова

Всеволод Чернозуб

Никита Бабкин

Фурман Иосиф

Дмитрий Ладошин

Дизайн обложки

Алексей Михалев

Дизайн номера

Галина Соловьева

Верстка

Михаил Минаев

Техническая поддержка

Издательский дом «Первое сентября»

E-mail: subject_zhurnal@mail.ru

СУБЪЕКТ